

ПАМЯТИ А. ПИСЕМСКОГО [1]

Сегодня исполнилось двадцать лет со дня смерти Алексея Феофилактовича.

Он умер одиноким: его памяти были посвящены сдержанно-холодные некрологи, его хоронили без шумных погребальных почестей [2].

Хоронили писателя, "плывшего против течения", хоронили автора "Взбаламученного моря" [3].

Память о романисте, враждовавшем с прогрессивным лагерем эпохи "великих реформ", память о публицисте, посягнувшем на "святую святых" шестидесятников, пережила память о его светлых литературных подвигах.

А были дни, когда имя Писемского произносилось с таким же уважением, как имена Тургенева или Гончарова, когда его талант считали первоклассным талантом, когда передовые литературные критики, не исключая автора "Очерков гоголевского периода русской литературы" [4] и теоретика "мыслящего пролетариата" [5], самым лестным образом отзывались об авторе "Тюфяка" и "Тысячи душ".

Дни его литературных подвигов - дни торжества того мирозерцания, которое было усвоено реалистами сороковых и пятидесятих годов, дни, когда это мирозерцание признавалось последним словом передовой интеллигенции.

Тогда Писемский в глазах общества был несомненным прогрессистом: тогда он играл видную роль в рядах писателей, работавших над ниспровержением романтического мировоззрения, тогда он развенчивал беспочвенных идеалистов, "лишних людей" и хищников-романтиков, следовавших примеру Печорина ("Тюфяк", "М-г Батманов") [6], тогда он ратовал против крепостничества, тогда он шел к "народу", изучал народный быт и народную "душу", тогда он требовал трезвого отношения к действительности со стороны писателя, стремился изгнать малейшее проявление поэтической "чувствительности" и царящей в "эмпириях" фантазии из литературного обихода, тогда он поклонялся культу "здорового смысла", тогда, вслед за другими корифеями литературы, он доказывал, что принцип разумного эгоизма не представляет из себя ничего опасного и отталкивающего ("Тысяча душ") [7], тогда он идеализировал всякого трезвого "труженика", не боясь возводить на пьедестал даже "труженика-бюрократа".

Но люди сороковых-пятидесятих годов стояли на "полдороге": в них, по их же собственным признаниям, не переставали говорить "голоса исчезающей старины", над ними продолжало сохранять некоторую власть "наследие предков".

Отголосков старины было очень много в душе Писемского.

Он явился на попрание столичной жизни и литературной деятельности из "медвежьего" угла, из провинциальной глуши [8]. В нем текла кровь мелких помещиков старого закала. Его воспитывало захолустье деревни и уездного города. Он "учился" жизни в провинциальных канцеляриях, среди "дикого" провинциального общества.

Культурная атмосфера, в которую он попал, явившись в столицу, вихрь идей и настроений, которыми были богаты сороковые годы, не убили в нем "провинциала". Обитатели петербургских салонов с изумлением видели, что под культурной внешностью в нем кроется "великорусский мужик".

И "великорусский мужик" еще в пятидесятих годах поражал петербургских прогрессистов парадоксальностью своих мнений: он отказывался верить в доктрину "всеобщего развития", он считал женщину лишь за вещь, принадлежавшую мужчине, он смотрел на брак глазами "Домостроя" [9]; ко всяким поступательным шагам технического и промышленного прогресса он относился отрицательно, считая, например, железные дороги нужными лишь для "бешеных людей, не знающих на что употребить избыток своей животной силы", он не верил, наконец, в миссию народных масс: высказываясь за уничтожение крепостного права, он, тем не менее, не ожидал от освобожденного народа никаких светлых деяний, никакой розовой будущности для России.

Но все эти "парадоксальные" мнения не мешали ему принадлежать к передовому лагерю, не мешали ему исповедовать profession de foi истинного реализма. Они заставили его порвать с прогрессистами, они поставили его в "боевое положение" лишь тогда, когда новые интеллигенты, разночинцы, интеллигенты шестидесятых годов, принесли вместе со своим появлением на историческую авансцену новое мирозерцание, когда верования сороковых годов были признаны отсталыми верованиями, когда все вообще реалисты сороковых годов отреклись от мыслящих реалистов реформенной эпохи.

Вслед за Тургеневым, Гончаровым и другими виднейшими писателями "старого" мировоззрения